

АМЕРИКАНСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА О НЕГЕРОЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Е. ГАШКЕНЕ-ЧЕРВИНСКЕНЕ

Литературовед, литературный критик, поэтесса, профессор Калифорнийского государственного университета в Фуллертоне, литовка по национальности, Елена Тумас широко известна в Америке. Ряд лет возглавляя Калифорнийский комитет сравнительного литературоведения, она написала много работ по литературным связям, содействуя сближению и взаимопониманию людей разных континентов и наций. Диссертация Е. Тумас «Сравнительное исследование эпических элементов «Войны и мира» и «Жана Кристофа»¹ свидетельствует об исключительном внимании исследовательницы к русской литературе. Кстати, Е. Тумас, будучи профессором факультета Английского и Сравнительного литературоведения, одновременно является почетным членом факультета Русистики.

Перед нами новая работа Е. Тумас — «Негерой в русской литературе девятнадцатого века»². Прежде всего хочется отметить доброжелательный, теплый тон статьи. Русская литература представлена в ней как близкая, органически вошедшая в духовную культуру американского читателя. Это ощущение близости создается и прямыми замечаниями, когда о герое «Шинели» Гоголя американская исследовательница говорит как о герое «всем нам знакомом», о статье Добролюбова «Что такое обломовщина?» — как о «знаменитой статье» и т. д. В работе анализируются и менее значительные произведения русских классиков, например, «Поликушка» Л. Толстого, и особенно много места уделяется «Дневнику лишнего человека» И. Тургенева.

Пафос статьи — «Негерой в русской литературе девятнадцатого века» — утверждение мысли о мировом значении русской литературы в рамках популярной проблемы современной литературы и литературной критики Запада — проблемы негероя.

Е. Тумас категорически утверждает: «Влияние этого персонажа, созданного русской литературой девятнадцатого века, на писателей Запада не оценено должным образом. Альберт Камю во Франции был одним из самых удачных последователей этой традиции, а С. Белоу, современный американский романист, возможно, больше других выделяется среди

¹ The Literary Kinship of Leo N. Tolstoy and Romain Rolland: A Comparative Study of the Epic Dimensions of War and Peace and Jean-Christophe.

² Elena Tumas. „The Non-Hero in nineteenth-century russian fiction“ in „Medieval Epic to the „Epic-Theatre“ of Brecht“, University of Southern California Studies in Comparative Literature, edited by Rosario P. Armato and John M. Spalek, p. 171—183.

тех, кто сегодня продолжает эту традицию. Очевидно, что, с тех пор, как в девятнадцатом столетии русские писатели ввели его в свои художественные произведения, негерой, как главный персонаж в литературе нашего Запада, стал популярным и частым. Он пока процветает.» [182].

Понятие негероя уточняется автором в сопоставлении с определением героя и антигероя. Присоединяясь к мнению других западных исследователей³, Е. Тумас выделяет следующие черты героя: самостоятельность и оригинальность взгляда на мир, даже на современные события; одаренность действительной энергией, способной изменить обычный ход событий; способность вдохновить людей, возбудить в них воображение и энтузиазм, заслужить их сочувствие и доверие к своим действиям и к самому себе. Герой — антипод того, стимулами действий которого являются прежде всего низкие мотивы, поиск личной популярности, занятость лишь собою. Словами новеллиста Бернарда Маламуд герой определяется как «личность своего времени, воспринимаемая как модель».

Появление антигероя связывается с именем Сервантеса, а Стендаль относится к писателям, «окончательно разрушившим понятие Социального Героя». Антигерой, по словам автора, тоже обладает «незаурядной смелостью и решительностью», самостоятельностью и оригинальностью, высоко развитым сознанием. Но, в отличие от героя, у него нет прежних связей с обществом. Он создает свой моральный «код», всеобщее заменяется частным. Антигерой может стать лишь «героем для самого себя», «его победа, если бы он и достиг ее, ничего не изменила бы». Это не патетическая фигура и трагическая она в новом смысле — «великая без величия». Как пример антигероев в русской литературе XIX века названы персонажи Достоевского — Мышкин, Раскольников, Иван Карамазов, Кириллов, Верховенский.

Хотя негерой, как отмечает автор, логически вырастает из антигероя, от последнего его отличает скованность энергии, недостаток смелости, инициативы, нравственной и физической силы, механическое или апатическое отношение к трудностям. Многие из них «расходуют себя в отрицательных действиях или необузданно следуя негативным импульсам своей натуры. О негерое в русской художественной прозе девятнадцатого века Е. Тумас пишет: «Это индивид, отличающийся инертностью, импотентностью, слабостью воли, которые парализовывают его действия. Не способен любить, он не находит себе счастья и не приносит его другим. Замкнутый в этом круге, он редко..., почти никогда не находит в себе сил покончить со скукой или с охватившей его пустотой. Он не может служить моделью, не может вдохновить людей к изменению мира, выполнить какую-нибудь миссию или создать веру. Иначе говоря, он — антипод... герою. Русские мастера, изображая негероев, особенно акцентировали их психологию. Интроспекция — характерная черта негероя,

³ Marshall W. Fishwick. „The Meaning of a Hero“, Saturday Review, (August, 1964) 12—15.

Sidney Hook. „On the Difficulty of Being a Contemporary Hero“, Time, (June 24, 1964) 32—33.

Sean O'Faolain, „The Fervent Twenties“, in The Vanishing Hero (Boston: Little, Brown and Co, 1956, XXVI).

за исключением одного-двух случаев, когда характер не отличается раз-
витостью» [181].

Отметив, что в русской литературе девятнадцатого века много анти-
героев и негероев, Е. Тумас сосредоточила внимание на типах «лишних»
людей, оставив в стороне «негероев» конца девятнадцатого века, когда
появились даже произведения с такими названиями.

Вслед за Добролюбовым историю «лишних» людей в русской лите-
ратуре Е. Тумас начинает с Евгения Онегина. Она считает его прото-
типом как антигероев, так и негероев, хотя он «не является ни антиге-
роем, ни негероем в строгом смысле». К «несомненным» негероям отно-
сятся Чацкий и Печорин, а крайними примерами негероев типа Печорина
считаются Человек из подполья и Ставрогин Достоевского: их объеди-
няет то, что они одарены умом, духовной или физической энергией, или
определить свою судьбу, не способны действовать целенаправленно
тем и другим. У них сильная, страстная натура, но они не способны
и решительно.

«Другой тип негероя — лицо скучное, серое, практически неспособное
к значительной деятельности потому, что либо он недалекого ума, либо
у него физические или психические дефекты, или то и другое вместе»
[176]. К таким относятся Акакий Акакиевич («Шинель» Гоголя), Обло-
мов («Обломов» Гончарова), Чулкатурин, Рудин («Дневник лишнего
человека», «Рудин» Тургенева), отчасти Поликей («Поликушка» Тол-
стого).

Статья Е. Тумас несомненно обратит на себя внимание исследовате-
лей русской и других литератур общими положениями и оригинальной
интерпретацией хорошо знакомых персонажей.

Избранный исследовательницей путь — постановка вопроса о неод-
нородности «лишних» людей в перспективе более широкой задачи
(проблемы влияния русской литературы на западную) несомненно яв-
ляется плодотворным. Об ориентации автора на конкретно-исторический
подход свидетельствует и заявление в начале статьи о том, что «каждый
век, фактически каждое поколение описывает, переоценивает и создает
свой образ героя» [171]. Исследовательница старается не упустить из
виду специфики исследуемого предмета: в индивидуальных характери-
стиках «негероев» обращается внимание на конкретную «вину» самого
героя — особенность его «натуры» и на «вину» обстоятельств, способст-
вовавших превращению одаренных людей в «лишних» — «тоталитарный
режим того времени подавлял каждый импульс, стимулирующий твор-
ческую активность» [175]. Невольно чувствуется намек и на необходи-
мость исследования обстоятельств, «подавляющих творческую актив-
ность» людей современного Запада, в литературе которого, по словам
автора, негерой сегодня «процветает».

То, что в этой интересной работе вызывает чувство протеста, опреде-
ляется, на наш взгляд, самой методологией работы, механическим со-
четанием исторического подхода с формальным. Практически, при опре-
делении негероя в русской литературе девятнадцатого века, формальный
метод берет верх: классификация персонажей остается в рамках самых
общих внешних признаков вне оценки конкретного содержания,

объективного значения их деятельности, поступков, в которых отражаются идеалы автора, а через них — идеалы «века» и «поколения». Например, с оговоркой, что Чацкий, как герой комедии, должен бы остаться за рамками дискуссии, он приводится в качестве примера «несомненно-го» негероя. О нем говорится: «Чацкий в начале сильнее Онегина восстает против глупости окружающего общества, его пустоты, но в конце, устав, омизантропившись, разочаровавшись, удаляется от общества» [174].

Вопрос: от к а к о г о «общества» он удаляется — от фамусовского или общества «молодых людей», к которым он себя относит? В чем разочаровавшись: в «основах» самодержавно-крепостнического общества или в своих гуманистических идеалах, вроде «подпольщика» Достоевского, с которым он в статье соотносится. Разочарование разочарованию — рознь. Одно разочарование ведет к героизму, другое — к негероизму или антигероизму (сам «подпольщик» и называет себя «антигероем»). Без определения сущности «разочарования», «примирения» равно как «преуспеяния» — нельзя судить о герое. В статье говорится: «Чацкий по природе мизантроп, содержащий в себе семя импотенции» [174]. В чем же проявляется его импотенция? В иных исторических ситуациях «речи» важнее «действий». Опять-таки смотря какие речи и какие действия. «Миссия» Чацкого, его «вера», которую он сам «создал», и есть его убеждения, его речи, в которых чаяния и думы передовых умов его поколения. За них его сверстники заплатили жизнью и свободой. Да и как знать, куда «карета» увезла Чацкого. Ведь «примириться» с тем, против чего он восставал, с его умом можно разве действительно его лишившись. С автором бессмертного произведения самодержавие справилось, но вольнолюбивые слова его героя, отлитые в звучные афоризмы, повторялись наизусть целыми поколениями, способствуя формированию самосознания не только русского общества.

Обратимся к другому примеру. О Л. Толстом говорится, что в его произведениях негероев практически нет. Исключение — Поликей. Между прочим, гораздо лучшим примером мог бы служить Федя Протасов из «Живого трупа», да и сама автор отмечает нетипичность Поликея как «негероя»⁴. Правда, Протасов — персонаж драмы, но данное исключение куда более оправдало бы себя, чем исключение, допущенное для Чацкого. Далее мы читаем о Толстом: «Но в своем «Войне и мире» Толстой атакует самую суть героизма. Он выражает сомнение по поводу того, может ли играть существенную роль героическая фигура в потоке исторических событий. Даже вся история человечества ему кажется не имеющей правды и определенности. Толстой думает, что настоящие герои человеческой истории незаметны, и подлинные причины исторических событий непостижимы. Часто люди ведомы лицами, которые сами являются слабыми, терзаемыми ничтожными личными амбициями и корыстными мотивами. Однако события определенного времени Толстой видит как часть большой схемы, поэтому, хотя «Война и мир» до некоторой степени приближается к черте нигилизма, на самом деле

⁴ Наша точка зрения на этого героя в от.: «Повесть Л. Н. Толстого «Поликушка», Л. Н. Толстой. Сборник статей о творчестве. Под ред. Н. К. Гудзия, МГУ, 1959.

не является нигилистической книгой. Более того — читатель ободряется авторским видением вечно пульсирующей, вечно обновляющейся жизни, впечатляющими образами мужчин и женщин в вихре повседневной жизни на фоне войны и мира, выполняющими свое назначение» [180].

Таким образом, Е. Тумас справедливо отмечает, что не фатализм определяет пафос творчества Толстого. Однако ничего не говорится о своеобразном понимании им героизма, которое никак не объяснишь фатализмом. Ведь «атакует» Толстой не героизм как таковой, а ложное, с его точки зрения, представление о нем. Признав исключительную роль народных масс в истории, он по-новому решает проблему героя. Переоценка ценностей, противопоставление мнимому величию истинного начались в ранних военных рассказах: капитан Хлопов («Набег») предвосхищает героев эпопей. Отмеченная исследовательницей мысль Толстого, что «герои человеческой истории незаметны», связана прежде всего с утверждением «исторической фигуры», близкой к народу.

Приближение личности к народу у Толстого, как и у других великих русских писателей девятнадцатого века, не ведет ни к обезличению, «исчезновению» героя, ни к умалению героизма и величия как такового. Напротив, «Истинное величие» основывается на реальных и прочных связях личности с народом, родной землей, «миром». Русская реалистическая литература девятнадцатого века необычайно расширила изображение этих связей, по-новому поставив проблему героя.

Низвергая «сверхчеловека», русская литература подняла человека. В эпоху подготовки революции, в век пробуждения масс великие гуманисты утверждали не слабость, а силу, ценность, неповторимую красоту каждой человеческой личности. Толстой объявил, что «Всякий из нас ежели не больше, то никак не меньше человек, как великий Наполеон». Достоевский говорил, что всех надо произвести в дворян, т. е. в «лучших». Чехов создал образы великих «маленьких» людей и т. д.

Общеизвестно, что Толстой протестовал против формального, внешнего понимания героя и негероя. Он настаивал на том, что новая форма, новый тип героя определяются новым содержанием, для которого старая форма не годится. «Лживой форме европейского героя» великий писатель противопоставляет «простую, скромную и потому истинно величественную фигуру» своего героя. «Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии»⁵, — говорит Толстой, акцентируя историческую, социальную конкретность понятия о величии.

В основе толстовской концепции героя — нравственный критерий, который сам по себе требует оценки сущности героизма. Между тем Е. Тумас, определяя героя, говорит: «Ясно, герой как человеческое существо, склонен к заблуждениям и ошибкам. Но эти несовершенства, как правило, не замечаются, поскольку герой вдохновляет такое великодушие, которое предотвращает вопрос о непосредственной законности его действий и о взвешивании последствий его деяний. Почти все, что он делает, кажется значительным и, таким образом, абсолютно своевремен-

⁵ Л. Н. Толстой. Война и мир, Собр. соч. в 14-ти томах, том VII, М., 1951, с. 192.

менным. Его поведение, поступки и личность очень легко затмевают сомнения, подавляют критику и останавливают любые обсуждения, если они есть» [171].

Если идти по этому пути, исходить из формальных признаков «героя», отвлекаясь от их конкретного содержания, исключая нравственную, социальную оценку его действий, то «героем» может быть признана личность антигуманная, какой-нибудь маньяк. К сожалению, не только из книг нам известны примеры «героев», которые вполне отвечают этой схеме: они обладали самостоятельностью взгляда, сверхспособностью действовать, принимать решения, вести за собой людей, и ослепляли они своей славой так, что не замечались их человеческие слабости, не взвешивались «последствия их деяний», и все, что они делали, казалось «своевременным». Стимулами их действий тоже были далеко не только «поиски личной популярности». Известно также, что принесли эти «герои» человечеству.

Великое назначение литературы как и всякого искусства состоит в том, что она выносит «приговор» истории, отличает подлинные ценности от мнимых. Категорическая формула Толстого: «И нет величия там, где нет простоты, добра и правды»⁶, выражает гуманизм русской литературы, который ярко проявился в концепции героя не одного Толстого. Развенчание «наполеонов», начатое Пушкиным, продолжали почти все великие русские писатели девятнадцатого века, разрушая мифы, не давая утвердиться антигуманному «величию», формируя высокие идеалы.

«Созерцая образы Одиссея, Ахиллеса, Энея, Зигфрида, Роланда, Макбета или Гамлета, мы осознаем, что нынешние концепции и портреты героев в литературе сильно изменились по сравнению с предыдущими веками и обществами» [172], — говорит Е. Тумас. Действительно, лишь с учетом исторического своеобразия как при изучении предмета как такового, так и при сравнении его с другими, можно прийти к бесспорным научным выводам.

Мы обратились лишь к двум примерам, не касаясь интерпретации других персонажей. В данном случае нас интересовала сама методология работы и ее практические результаты.

⁶ Там же, стр. 172.